

УВЛЕЧЕНИЯ БАРОНА ФАЛЬЦ-ФЕЙНА

В России он тратит деньги, заработанные в Лихтенштейне

Владимир Житомирский

КОГДА недавно барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн был приглашен на столетие Русского музея, он ничего не привез в подарок. Так и начал свое выступление: «В этот раз я вам ничего не привез...» Невозможно понять степень изумления присутствовавших именитых деятелей культуры — хорошо известно, что более щедро и бескорыстно зарубежного мецената у нашей страны нет.

Четыре года назад, когда стало известно о грядущем награждении барона Орденом Дружбы, московские чиновники попросили его «для порядка» составить перечень его даров — картин, скульптур, исторических ценностей, зачастую в каждом отдельном случае обошедшихся дарителю во многие десятки тысяч долларов. «Но я же не вел никаких записей того, что передавал России...», — сокрушался Эдуард Александрович, как-то рассказывая мне об этом. В конце концов ему все-таки удалось составить реестр своих даров, далеко перевалявший за восемь десятков «позиций». Прибывший в княжество Лихтенштейн российский премьер Виктор Черномырдин посетил виллу Фальц-Фейна, где и вручил ему высокую государственную награду.

Усилиями барона перевезен в Россию и захоронен на Новодевичьем кладбище прах Шалапина (именно барон добился согласия на это Ширика, однако на саму церемонию в Москву его пригласить забыли). Прослышав о существовании в неких частных руках вывезенного из России огромного ковра, подаренного персидским шахом российскому императору к 300-летию династии Романовых, барон был вынужден уподобиться Шерлоку Холмсу, начав сложнейшие розыски. В результате чуть ли не в Южной Америке он обнаружил реликвию и после длительных переговоров смог приобрести ее за 30 тыс. долл. Но для него радость знать, что для исторического ковра была специально выделена целая стена дворца в Ливадии... Где-то в дебрях нью-йоркских антикварных лавок им был обнаружен портрет одного из главных фаворитов Екатерины II — князя Потемкина, который и находится теперь под портретом императрицы в музее в Крыму («матушке Екатерине, наверное, теперь повеселее в обществе сердечного друга»). Серьезную брешь в российской культурологии заполнила богатейшая библиотека Дягилева и Лифаря. Вместе с покойным писателем Юлианом Семеновым барон пытался вести поиски Янтарной комнаты. В программу недавнего Всемирного экономического форума в швейцарском городе Давосе была включена передача бароном российскому премьеру портрета Петра Великого работы неизвестного живописца. А чего стоят его многолетние переговоры о возвращении бесценных для нашей истории «архивов Соколова»? Минувшей осенью с ними наконец смогла ознакомиться и широкая общественность. Вместе с документами прошлых веков о хозяйственной деятельности лихтенштейнского княжеского дома телеграфная переписка организаторов убийства царской семьи в Екатеринбурге экспонировалась в Московском собрании личных коллекций. Странное соседство? Странное, но логичное.

«Однажды ко мне обратился мой друг и сосед — князь Лихтенштейна Ханс-Адам II, — рассказывал мне барон во время нашей встречи в швейцарских Альпах. — Зная мои связи в России, он надеялся вернуть хозяйственный

архив княжеского дома, который хранился в Австрии и был там взят в 1945 году в качестве военного трофея Красной Армией. Но ведь Лихтенштейн не был участником войны! Какие могут быть трофеи?» Оказалось, что все не так просто. Он понял это, подняв вопрос во время одной из встреч с российским премьером. Тот объяснил, что просто так родные законодатели не согласятся на

стях. Фейн охотно согласился, а в ответ на предложение императора отблагодарить его, сказал, что его единственная дочь выходит замуж за колониста Фальца и ему ради продолжения рода хотелось бы, чтобы она сохранила и девичью фамилию. Для императора это был суший пустяк... Так родилась фамилия Фальц-Фейн.

И еще была, как позднее стали говорить, «судьбоносная» встреча

сийский) государственный военный-исторический архив, но лишь спустя 12 лет смог выполнить волю деда — книга издана и нашла своего читателя.

Делами венценосцев, правда потенциальных, барон занимается сегодня едва не ли не каждый день. Речь — о захоронении останков царской семьи. Он знаком со всеми разбросанными по свету Романовыми. «Этот спор, который идет между ними... Ужасно будет, если на захоронение они приедут не как единая семья, а разобщенными, — говорит он. — Все шестнадцать сегодняшних Романовых имеют один и тот же титул — это князья и княгини. И то, что Леонид считает себя великой княгиней, остальные Романовы не признают. Если она придет — или будет приглашена — на июльскую церемонию в Петербург в этом качестве, другие родственники покойного императора могут вообще не приехать. Меня попросили посодействовать в решении этого вопроса, помирить их. Но дело очень сложное. Леонид пока вообще не хочет говорить на эту тему, хотя этот мальчик, претендующий на роль наследника престола, вообще не Романов, а Георг фон Гогенцоллерн...»

Откуда у барона средства на меценатство и благотворительность, ведь одни бесконечные авиаперелеты и отели влетают ему в копеечку. Некоторые думают: наследство. И ошибаются — после Октября семья Фальц-Фейнов, чудом уцелев, бежала из России практически без средств. Единственная надежда была на домик, заблаговременно купленный отцом юного Эдуарда на юге Франции, в Ницце. К сожалению, отец вскоре скончался от сердечного приступа, и средства от продажи домика помогли семье существовать, а Эдуарду получить образование. А дальше работа и... скорострельность. Работа спортивным журналистом — пишу и снимаю...

Еще в России предки Эдуарда Александровича завязали доброе знакомство с австро-венгерским посланником — князем Лихтенштейном (княжество прежде входило в империю Габсбургов). Князь предложил свою помощь в случае необходимости. И сдержал слово: предоставил Эдуарду гражданство, пожаловал титул барона, а в 1945 году ссудил его деньгами — 50 тыс. долл.

Тогда Фальц-Фейн сделал основную ставку на туризм. Открыл магазин национальных сувениров и, проявив недюжинную деловую сметку, направил поток туристов, которых прежде в княжестве и не бывало, прямо к его прилавкам. Пришлось выложить 10 тыс. долл. турфирме, возившей туристов по семи европейским странам, за изменение маршрута — заезд в княжество и часовую остановку около его магазина. Через год долг князю был возвращен, а вскоре появился и еще один магазин... «В России я трачу деньги, которые дает мой бизнес», — говорит барон.

На своей вилле «Аскания-Нова» он живет один — первая жена погибла из-за передозировки наркотиков, вторая сбежала с американцем, хотя с годами отношения с ней восстановились, превратились в дружеские... Барон в прекрасной физической форме — энергичен, подтянут, полон новых планов. Недавнее обследование в клинике засвидетельствовало: у него пульс двадцатилетнего человека. Секрет такой формы? Утром — 20-километровый велосипедный кросс, днем — напряженная работа, причем понятий «обед», «спиртное» и «сигареты» для него не существует. «А по субботам меня навещает дама — не всегда одна и та же. Единственная проблема отношений с дамами — не выдать

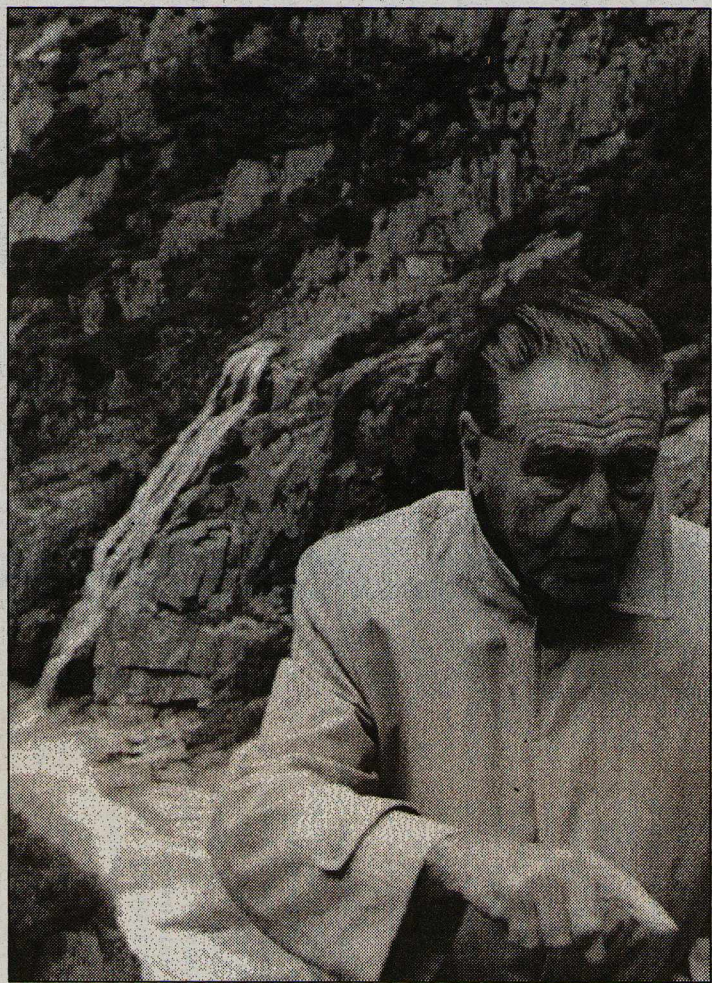
случайно воспоминаниями о 20-х годах своего истинного возраста. Обычно мои приятельницы полагают, что мне не 86-й год, а около 60. Я стал особенно аккуратен после того случая, когда одна прекрасная дама, поняв из разговора, сколько мне лет, с восклицанием «Как вам не стыдно!» поднялась и покинула меня. Мне было очень больно...» — поделился барон.

«Вы представляете, — горючится он, — в этом году исполняется столетие с момента сооружения князем Голицыным памятника Суворову у Чертова моста в Швейцарии. Мы несколько раз обращали внимание российской стороны на то, что памятник в преддверии двухсотлетия героического перехода «чудо-богатырей» через Альпы необходимо отремонтировать, но получали ответ: на это денег нет. Хорошо, мой друг Ферди Мухайм, мэр города Андерматта, подле которого возведен монумент, договорился с властями кантона о выделении средств. Обязательно закончим ремонт к сентябрю. Я уже подготовил программу торжеств, обещаю приехать к нам и министр обороны Сергеев...»

Все, что связано с именем легендарного полководца, для барона свято. Возможно, эта любовь перешла от деда — генерал Епанчин входил в комиссию по увековечению памяти Суворова, стоял у истоков создания Суворовского музея в Санкт-Петербурге. В лихтенштейнском городе Бальцерс барон на свои средства установил изысканную мемориальную композицию с портретом и фамильным гербом Суворова, который здесь останавливался со своими «чудо-богатырями». Убедил власти княжества выпустить марку с портретом генералиссимуса, помогал тассовцу Георгию Драгунову собирать материал для книги «Чертов мост. По следам Суворова в Швейцарии». В нынешний свой приезд в Москву он вел переговоры с российскими скульпторами об установке фигуры генералиссимуса на Сен-Готтардском перевале.

«Кстати, в Петербурге же два месяца назад я был приглашен на открытие Музея-квартиры Шалапина, которого я хорошо знал, знаком и с членами его семьи. А с пустыми руками я, как известно, не приезжаю. Я знал, что у покойного сына певца, Федора Федоровича, была подружка в Риме. Вспомнил ее имя, позвонил: «Есть еще вещи Шалапина где-нибудь в подвале?» — «Есть кое-что...» — «Выезжаю в Рим...» Она приготовила к моему приезду целый чемодан материалов, в том числе фотографии певца на смертном одре, которая сразу же была вставлена в уже готовую экспозицию в музее. (Конечно, я тогда немного помог в финансовом плане этой уже немолодой даме...) Директриса музея поблагодарила меня, а потом подвела к другой витрине, где прежде был выставлен высший французский орден Кавалера Почетного легиона, которым был награжден певец, а теперь зияло пустое место: награду сперли. И вот когда меня пригласили на столетие Русского музея, я увидел эту директрису и... вручил ей новенький настоящий орден. Как смог достать? Ну, это слишком сложно рассказывать...»

На юбилей Русского музея подарок вручен другой организации, а самим юбилярам было сказано, что «ничего не привез». Было сказано. Но было объявлено и другое: свою огромную художественную коллекцию — среди авторов полотен крупнейшие русские живописцы, а золоченные рамы картин на стенах его виллы «Аскания-Нова» едва не касаются друг друга — он завещает Русскому музею. «Все очень просто, — говорит барон, — мое сердце принадлежит России».

Барон Эдуард Фальц-Фейн: «Мое сердце принадлежит России»
Фото автора

выдачу назад каких бы то ни было захваченных трофеев, что «надо что-то дать взамен». Тогда-то Эдуард Александрович и посоветовал князю приобрести вывезенные на Запад документы Соколова — первого следователя по делу об убийстве членов царской семьи. Князю это обошлось в 100 тыс. долл., отданных на аукционе «Сотбис», а от барона потребовало немалых дипломатических усилий. В дело был вовлечен специально приехавший в Лихтенштейн Евгений Примаков («ему очень понравился чай, которым я угощал его в моем доме, благодаря Евгению Максимовичу в моем паспорте теперь стоит вечная российская виза»). Сложнейшая операция, которую замыслил и блистательно провел Эдуард Александрович, как началась, так и завершилась на высшем уровне: представление документов в Собрании личных коллекций провел Ханс-Адам II, особо отметивший вклад Фальц-Фейна, определивший успех дела.

«Матушка Екатерина», о которой он проявляет трогательную заботу, пригласила из Саксонии в Россию предков барона — Фальцев. Они не обманули ее ожиданий: обосновавшись на юге России, стали трудолюбивыми колонистами, приобщились к русской культуре, прекрасно освоили язык. В те же времена там поселился и начал разводить скот бывший солдат Фейн, который перебрался сюда из Вюртемберга. Проездом к театру военных действий в имение Фейна однажды заглянул Александр II. Увидев сотни породистых лошадей, выраженных в этом хозяйстве, государь поинтересовался возможностью их приобретения для использования в кавалерийских ча-

с государем, на сей раз в 1914 году, — с последним российским императором. В имении Фальц-Фейнов, превращенном фактически в заповедник и базу научных исследований и названном «Аскания-Нова», Николаю II очень понравилось. Вот тогда Фальц-Фейнам и было пожаловано дворянство, правда, без титула.

Не так давно уникальному заповеднику присвоили имя Ф.Э. Фальц-Фейна, хотя его племяннику, пытавшемуся навестить родовое гнездо, будут долго чинить в этом препятствия. Когда же Эдуард Александрович все же сможет попасть туда, местная публика встретит его сухо. По мере того как он начнет вкладывать средства в реставрацию зданий и сооружений, не выказывая никаких алчных стремлений, отношения будут меняться.

Трем императорам — Александру II, Александру III и Николаю II — довелось служить любимому делу (по материнской линии) Эдуарда Александровича, видному военачальнику генералу Николаю Епанчину. Был период, когда Епанчин, будучи полковником, командовал 2-м батальоном Преображенского полка, а 1-м командовал наследник-цесаревич Николай Александрович. «На службе трех императоров» — объемистая рукопись под таким названием была последним, что генерал успел завершить в этой жизни. Чувствуя приближение конца, передал драгоценные для него записи любимому внуку со словами: «Эта рукопись теперь твоя, сохрани ее. Когда кончится власть большевиков и Россия снова станет Российской, верни ее на родину и опубликуй». Еще в 1982 году барон передал машинописную копию мемуаров в Центральный (теперь Рос-